

Д. Благой

Во глубине сибирских руд...

Горячее, исполненное глубокого сочувствия послание Пушкина к томящимся «во глубине сибирских руд» декабристам, явившееся актом высокого гражданского мужества поэта, сложилось в атмосфере того энтузиазма, который вызвал в нем подвиг большой группы их жен, героически решившихся бросить все: знатность, богатство, положение в свете — и последовать за своими мужьями. Особое впечатление произвела на поэта прощальная встреча со столь дорогой ему Марией Раевской, вышедшей замуж за декабриста князя С.Г. Волконского и одной из первых (следом за княгиней Трубецкой) также твердо решившей, преодолевая все преграды (мольбы семьи, уговоры самого царя), разделить участь мужа, приговоренного к двадцати годам каторжных работ.

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей, —

вспоминал позднее об этой встрече поэт в обращенном к ней посвящении «Полтавы». И когда Пушкин писал в своем послании к сибирским узникам о «любви и дружестве», которые «дойдут сквозь мрачные затворы», он явно имел в виду появление подле мужей их жен-подруг, вместе с которыми он приводил в «мрачное подземелье» и свою музу — свою звонкую и широкую песню.

Поначалу послание декабристам непосредственно связано с «Прощальной песней воспитанников Царскосельского Лицея», написанной Дельвигом для торжественного акта по случаю окончания в 1817 году учения первым — пушкинским — его выпуском. Опубликованная тогда же в «Сыне отечества» и положенная на музыку лицейским учителем В. Теппером де Фергюсоном, она приобрела чрезвычайную популярность среди лицеистов, неизменно в течение двадцати лет исполняясь при всех последующих выпусках. Естественно, что особенно и навсегда запомнили ее лицеисты первого выпуска, как навсегда запомнил ее и сам Пушкин. Одно место из песни — призыв хранить «в несчастье гордое терпенье» — поэт прямо повторяет во второй строке послания. Однако в дальнейшем развитии темы послания в Сибирь, проникнутого тем «лицейским духом», в котором Булгарин видел источник всяческого вольномыслия, Пушкин выходит за рамки узкого дружеского кружка, придав ему гораздо более широкий общественный характер. Укрепить и поднять дух не только бывших питомцев лицея — Пуцина и Кюхельбекера, а и всех сосланных декабристов, обреченных на тягчайший труд «в каторжных норах» байкальских Нерчинских рудников, расположенных в местах, которые отличались убийственным климатом, вселить в них надежду на возможность освобождения — этим и определяется эмоционально приподнятый, задушевно-лирический, как и в одновременно направленном туда же послании к Пуцину («Мой первый друг, мой друг бесценный»), тон стихотворения.

Но воодушевить сибирских узников Пушкин стремится не только тем, что внушает им эту надежду. Не падать духом, хранить гордое терпенье они могут — потому что «не пропадет» их «скорбный труд/И дум высокое стремление». Идя от вполне конкретного, поэт восходит здесь к очень широкому и в высшей степени значительному обобщению. «Скорбный труд» — это прежде всего тяжкая каторжная работа декабристов «в мрачных пропастях», как снова скажет он в стихотворении, обращенном в связи с очередной годовщиной открытия лицея к своим друзьям («19 октября 1827 г.»). Но помимо этого прямого и конкретного смысла, слова «скорбный труд» имеют и другое, далеко идущее значение, что явно подсказывается непосредственно следующими за этими

словами: «и дум высокое стремленье». Скорбный труд — это не только каторжная работа, это вообще все их трагическое дело и трагическая судьба. Восстание кончилось — и в данной исторической ситуации, при данном соотношении сил не могло не кончиться неудачей, крушением. Но руководились его участники высоким стремлением своих гражданско-патриотических, освободительных помыслов, стремлением, которому сам поэт (об этом прямо свидетельствует оценочный эпитет «высокое») полностью сочувствует и которое разделяет. В то же время уже сама высота этого стремления говорит о том, что оно не напрасно (здесь Пушкин как бы поправляет пессимистический тезис своих стихов 1823 года о сеятеле, вышедшем в поле слишком «рано: до звезды») — не пропадет. Так, исходя из слов лицейской «Прощальной песни», которые в данном контексте также наполняются и вполне конкретным, и очень знаменательным содержанием, Пушкин — и это еще один замечательный образец его историзма — подымается до точной и верной, глубоко исторической формулы-оценки подвига декабристов. Именно так и поняли это те, кому послание было адресовано. <...> Очень энергично звучит и концовка пушкинского послания: оковы *падут*, темницы *рухнут*. При чтении этих строк в сознании современников невольно должны были возникать ассоциации со столь близкими еще к ним и столь хорошо знакомыми событиями французской революции конца XVIII века, в частности взятием в 1789 году восставшими парижанами Бастилии (кстати, буквально теми же словами писал Пушкин об этих событиях в своем стихотворении «Андрей Шенье»: «*Оковы падали. Закон, / На вольность опершись, провозгласил равенство...*»). Однако, как и в ряде мест давней оды Пушкина «Вольность» (например, слова: «Восстаньте, падшие рабы»), патетический тон этой конечной строфы сильнее, чем лежащий в основе ее политический смысл, политическая концепция. Решительно из всех суждений и высказываний Пушкина последекабрьского периода очевидно, что в результате разгрома восстания декабристов он окончательно разуверился в возможности в данное время изменить существующий общественно-политический строй революционным путем. «Желанная пора» — освобождение декабристов — наступит не в результате вооруженного переворота, а «манием царя», на пути проявления той «милости», к которой призывал Николая поэт в «Стансах» и о чем упомянул в своих предсмертных стихах о «памятнике нерукотворном». <...> В этом отношении характерна лексическая переключка второй и третьей строфы послания с началом «Стансов». Стремление вдохнуть в сердце декабристов «надежду» на «желанную пору» освобождения (2-я строфа) непосредственно переключается с первой строкой, открывающей «Стансы» и являющейся как бы их музыкальным ключом («В надежде славы и добра»). Еще знаменательнее переключка эпитета «мрачный», имеющего и прямое, конкретное (темный, ибо под землей, в рудниках), и более широкое значение и дважды повторяющегося в послании («в *мрачном* подземелье», «*мрачные* затворы»), со строкой «Стансов»: казнь, осуждение декабристов на каторжные работы «*мрачили*» начало николаевского царствования. Но как и в «Стансах», «мрачному» началу противопоставляется возможность «славного» продолжения («В надежде *славы...*», «начало *славных* дней...»). Надеждой на это славное продолжение, в представлении о чем входила и «милость» царя к томящимся на каторге декабристам, поэт хочет «разбудить» в их сердцах «бодрость и веселье». В этой связи приобретает еще одно и особое значение эпитет «свободный глас». Ведь и сам Пушкин тоже находился долгое время «во *мраке* заточенья» (послание к Керн 1825) — в ссылке. Новый царь, имеющий, как считал поэт, «семейное сходство» с Петром I, вывел поэта из этого «*мрака*», «освободил» и его «мысль», и его «глас» (торжественно заявил, что освобождает его от цензуры). Освобождение поэта является, в чем он хочет убедить декабристов, залогом и грядущего освобождения.

Одоевский в своем ответе Пушкину отнесся к этой надежде с горьким скептицизмом:

К мечтам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но Пушкин глядел в данном случае более трезво на реальное положение вещей.<...>

Но если Александр Одоевский расходился с Пушкиным по вопросу о пути освобождения, то он вполне сошелся с ним в оценке исторического значения восстания, не только в точности повторив замечательную пушкинскую формулу о «думах» и делах — «труде» — декабристов, которые не пропадут, но и столь же поэтически, сколько по существу верно развил ее, подчеркнув, что они стоят у начала всего русского освободительного движения:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

Все это, независимо от политической концепции Пушкина (надежда на амнистию), определило исключительно видное место в истории русской вольной поэзии пушкинского послания в Сибирь, сыгравшего особо важную роль как в развитии революционного сознания, так и чувства живой преемственной связи. <...>